

КСЕНИЯ МЯЛО

ПОСЛЕ КРЫМА

Как ни странно, признание экс-госсекретаря США Хиллари Клинтон в том, что она “совершила ошибку”, в 2003 году поддержав военное вторжение в Ирак с целью свержения Саддама Хусейна, не привлекло к себе того внимания, которого заслуживало. Заслуживало, разумеется, не в силу какой-то его особой человеческой, нравственной ценности, которая, как это чаще всего бывает в случае подобных запоздалых признаний, ничтожна. Это, однако, не умаляет его политического значения, потому что послужившая непосредственным поводом для открытий Клинтон угроза окончательного распада Ирака и, соответственно, дальнейшей дестабилизации всего ближневосточного региона вновь, но ещё резче обозначила те вопросы, которые, начиная с войны в Заливе, регулярно вставали перед международным сообществом. В том числе и главный из них: каковы пределы вмешательства крупных игроков мировой политики во внутренние дела других государств и существуют ли они вообще? И может ли быть названо всего лишь “ошибкой” деяние, по многим признакам подпадающее под то определение агрессии, которое было дано Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 года? Или поддержка политического решения о вторжении, принятого, как теперь достоверно известно, на основании заведомо ложных обвинений Саддама Хусейна в разработке и хранении оружия массового поражения?

К сожалению, все эти и ещё многие другие вопросы, от ответов на которые прямо зависит международная безопасность, остались вне поля зрения и российских политиков, в частности, депутатов Госдумы, чья реакция на заявление Хиллари Клинтон, в основном, свелась, к тривиальному потиранию рук: “Ведь мы же предупреждали! Ведь мы же говорили!” Конечно, не был оставлен без внимания и украинский кризис, который опасно коррелирует с иракским и который сегодня порою, по его возможному влиянию на всю международную обстановку, даже сравнивают с карибским, но и здесь всё свелось к банальным обличениям вмешательства внешних (разумеется, исключительно западных) сил. Между тем, вмешательство тех или иных внешних сил в дела других государств в истории случалось не столь уж редко. Однако далеко не всегда оно приводило к дестабилизации огромных регионов, что мы видим уже на Ближнем Востоке и что, не исключено, можем увидеть в Центральной (бывшей Восточной) Европе, если не удастся остановить всё более разрушительную эскалацию событий на Украине. Остановить же её будет нелегко, что уже показал срыв двух объявленных перемирий и нарастающая с обеих сторон ожесточённость военного противостояния. К тому же украинский кризис, спровоцированный как причинами сугубо внутреннего порядка, так и безответственным соперничеством Запада и России в “битве за Украину”, уже очевидным образом вошёл в резонанс с другим, гораздо более

глубоким и масштабным – кризисом всей системы международного права, что многократно затрудняет достижение жизненно необходимых договорённостей.

Правда, депутаты Госдумы, поспешившие высказаться на эту тему, самым ярким его проявлением (по их словам, свидетельствующим даже о “крахе” этого самого права) сочли почему-то бурную акцию протеста у российско-го посольства в Киеве 15 мая, на следующий день после гибели 49 украинских десантников на борту сбитого луганскими ополченцами самолёта. И такой их пафос, особенно учитывая, что этот дипломатический инцидент обошёлся без жертв, мог бы показаться даже забавным – при иных обстоятельствах, конечно. Существует, однако, и более глубокий взгляд на проблему, почти тогда же высказанный Игорем Ивановым, экс-министром иностранных дел РФ, а ныне президентом Российского совета по международным делам, который полагает, что “именно украинский кризис выявил фундаментальную проблему мировой политики – стремительную эрозию международного права, показал неспособность основных игроков договориться о единых для всех правилах игры в международной политике” (“НГ-дипкурьер”, 19 мая 2014 года). При отсутствии этих правил неизбежно нарастает процесс размывания казавшихся давно и чётко определёнными понятий, пренебрежения общепринятыми юридическими процедурами, расширяется поле произвольных решений, принимаемых из соображений целесообразности, которую, разумеется, каждый понимает по-своему, что, в конечном счёте, усугубляет хаотизацию и повышает риск обретения глобальных масштабов конфликтами, которые в иное время с немалой степенью вероятности могли бы остаться локальными. Риск этот резко возрастает тогда, когда кем-либо из крупных игроков на полную мощь запускается механизм информационной войны, особенно если в такой войне в целях максимальной демонизации противника широко используются аналогии с фашизмом.

* * *

Именно так западные СМИ демонизировали Сербию в годы балканских войн 90-х годов XX века, так же в 2002–2003 годах действовала и американская пропаганда при подготовке вторжения в Ирак, представляя Саддама Хусейна в образе нового Гитлера, для сокрушения которого все средства хороши. А вот теперь такие же приёмы получили широкое хождение в России, причём ими пользуются не только журналисты и телеведущие, но и некоторые политики достаточно высокого уровня. Так, накануне подписания тремя бывшими советскими республиками, и в их числе Украиной, соглашения об ассоциации с ЕС, советник президента РФ по экономическим вопросам Сергей Глазьев предпринял экстраординарную попытку напугать Европу, нарисовав картину прямо-таки из фильмов ужасов. “Думаю, – заявил он в своём интервью корреспонденту Би-Би-Си Стиву Розенбергу, – что после подписания соглашения с ЕС европейский народ удивится, когда этот нацистский Франкенштейн, рождённый европейскими бюрократами и политиками, постучится в двери европейских стран” (www.pravda.ru/world/formressur/ukraina...12132003). Примечательно, что хотя соглашение с ЕС подписали также Грузия и Молдова, “Франкенштейном”, угрожающим миру, предстаёт у Глазьева одна лишь Украина, и чудовище это имеет вполне определённую политическую коннотацию. Ибо на вопрос Розенберга, считает ли он и впрямь президента П. Порошенко нацистом, советник российского президента без колебаний ответил: “Конечно”. Давать разъяснения по этому поводу пришлось пресс-секретарю Путина Д. Пескову, заявившему, что сказанное Глазьевым – это его частная точка зрения, не отражающая позиции Кремля. Тем самым был предотвращён возможный дипломатический инцидент, однако ясности в том, какова же именно позиция Кремля по такому, отнюдь не второстепенному вопросу не прибавилось.

В самом деле, ведь сказанное Глазьевым является лишь сжатым выражением того, что на протяжении многих месяцев изливалось и продолжает изливаться по всем федеральным каналам. Но не станем же мы отсюда делать вывод, что и впрямь вступили в эпоху неограниченной свободы слова: подобное умозаключение свидетельствовало бы лишь о граничащем с неадекватностью оптимизме. А коли так, то рано или поздно Кремлю всё-таки придётся ответить на вопрос, достижению какой цели должна служить давно уже вышедшая из берегов пропагандистская кампания, остро заточенная на отождествле-

нии нынешней Украины даже не просто с фашистским, но именно с *нацистским* государством. С такими понятиями, за которыми стоит слишком хорошо знакомая миру жестокая реальность, вообще не играют безнаказанно. И уж тем более, когда речь идёт о стране, пережившей почти четырёхлетнюю нацистскую оккупацию, о стране, где даже намёк на возможность её повторения может у некоторых людей вызвать острую, на грани фобии, психологическую реакцию, не говоря уже о последствиях многомесячной обработки массового сознания в соответствующем ключе. Так, по точному замечанию одного крупного отечественного политика, готовят людей к войне, так, добавлю от себя, обеспечивают им психологическую поддержку во время войны. И, напротив, стремясь к предотвращению войны или её прекращению, коль скоро она уже началась, нельзя не понимать, что достаточного длительного перемирия, не говоря уже о прочном мире, невозможно достичь без хотя бы минимального охлаждения накалённых страстей. Но уже сам по себе процесс такого охлаждения потребует некоторого времени и по определению невозможен без радикальных перемен в работе всей пропагандистской машины, признаков которых на момент написания статьи, к сожалению, не видно. Между тем, чем быстрее они начнутся, тем лучше, потому что и на следующем, более спокойном этапе, если ему суждено наступить, рассчитывать на быстрый успех в урегулировании конфликта не приходится. Равно как и на неомрачённый триумф поднимаемой на щит Россией идеи федерализации Украины; идеи тем менее убедительной, что сами лидеры бунтующих территорий неоднократно и открыто совершенно иначе определяли свои конечные цели.

* * *

21 июня, накануне всё ещё почти повсюду на пространстве бывшего СССР отмечаемого Дня памяти и скорби, “народный губернатор” Донбасса Павел Губарев, написал на своей странице в Facebook: “Завтра в Киеве вооружённое восстание против хунты. Подробно не скажу – сами увидите!” (“Независимая газета”, 24 июня 2014 года). Конечно, это был даже не намёк, но едва лишь завуалированный анонс, обращённый ко всем, кому не чужда идея такого восстания, своеобразное, “приглашение к танцу”. То есть к участию если не в самом восстании, то к созданию посредством призывов в социальных сетях поддерживающей его толпы. Приём этот хорошо известен и не раз уже использовался на самых разных территориях, от каирской площади Тахрир до киевского Майдана и даже абхазского Сухума. А поскольку призыв Губарева прозвучал на следующий день после объявленного Киевом перемирия, он недвусмысленно подтверждал отказ Донецка соблюдать режим прекращения огня, о котором, со своей стороны, сообщил командующий ополчением Донбасса Игорь Стрелков (Гиркин), твёрдо заявивший, что “перемирие, односторонне объявленное украинскими военными без какого-либо согласования с ополченцами, ДНР не признаётся” (top.rbc.ru/tag... 22 июня 2014).

Речь шла, стало быть, о продолжении войны, частью которой должна была оказаться цепочка если уж не вооружённых восстаний, то массовых выступлений в поддержку создания аналогичных ДНР и ЛНР “народных республик”. Причём выступлений не только в областных городах юго-востока, но и в Киеве, которому на сей раз даже отводилась центральная роль. Однако в столице произошла осечка: количество собравшихся на следующий день у Киево-Печерской лавры сторонников “Киевской Народной Республики” оказалось не слишком значительным как, впрочем, и число их противников, и милиции удалось без особого труда предотвратить столкновения. Обошлось без них, к счастью, и в Одессе, где также была предпринята вторая после апрельской попытка создания аналогичной республики, конечной целью имеющей вхождение в состав Российской Федерации. Но не обошлось в Харькове, где стычки противостоящих сторон оказались довольно жёсткими и где кто-то оставил на стене примечательное граффити, не мудрствуя лукаво гласившее: “Україна здохла!” (Орфография подлинника. — К. М.). Конечно, хулиганской выходкой такого пошиба (а они изобилуют в Сети) можно было бы и пренебречь, когда бы по смыслу своему то, что нашло выражение в этой безграмотной надписи, не совпало с иными высказываниями как лидеров Донбасса, так и немало числа российских политиков.

Ведь заявил же, например один из лидеров ДНР Денис Пушилин в интервью Би-Би-Си, что “де факто Украины как единого государства уже нет” (bbcussian.com 4 июня 2014 года). Пояснив, что до войны речь ещё могла идти о федерализации, однако теперь “точка невозврата пройдена”. Это чистой воды лукавство, потому что с просьбой о включении в состав Российской Федерации ДНР обратилась к Москве ещё 12 мая. Но ещё много раньше, когда ни о каких военных действиях на юго-востоке не было и речи, сразу же после референдума в Крыму глава правительства этой республики, Сергей Аксёнов обратился к руководству РФ с призывом оказать помощь и поддержку Юго-Востоку Украины. Почти одновременно депутаты Госдумы Илья Дроздов (ЛДПР) и Франц Клинецвич (ЕР) в интервью Русской службе новостей подтвердили, что в Москве могут рассмотреть вопрос о присоединении Юго-Востока Украины к РФ, если жители этих областей проголосуют за такое решение на местных референдумах. А несколькими днями раньше лидер ЛДПР В. Жириновский в интервью телеканалу LifeNews заявил: “Крымом дело не закончится. Разве русские только в Крыму живут? А Харьков, а Донецк?” Правда, почти одновременно президент Путин сказал: “Мы не хотим разделения Украины, нам этого не нужно”. Однако людей, уже с начала марта выходявших на митинги под российскими флагами, такое несоответствие позиций депутатов, открыто заявлявших о неизбежности и даже желательности распада Украины, и главы государства, отнюдь не насторожило. Вряд ли они его даже заметили, а если и заметили, то, скорее всего, слова президента сочли тонким манёвром, необходимым Москве в её осложнившихся отношениях с Западом, но не выражением её истинных намерений. Словом, той “ложью во спасение”, которой было отрицание Путиным позже признанного им участия российских военных в подготовке отделения Крыма от Украины. А весь последующий ход событий, та настойчивость, с которой официальная Москва перед лицом открыто выдвигаемых жителями Юго-Востока требований отделения от Украины, продолжала утверждать, что речь идёт всего лишь о федерализации, мог лишь укрепить их в этом мнении.

Так, в конце марта в интервью телеканалу “Россия-24” министр иностранных дел РФ С. Лавров после встречи с госсекретарём США Дж. Керри заявил, что Россия настаивает на проведении на Украине конституционного референдума, следствием которого, скорее всего, станет её федерализация, поскольку именно её требуют южные и восточные регионы страны. Насколько такое заявление соответствовало действительности, показала первая половина апреля, в открытое подражание “площади Тахрир” названная самими жителями Юго-Востока “Русской весной”. Уже 6 апреля произошёл захват ОГА (областных государственных администраций) в Донецке, Луганске и Харькове, над ними были подняты российские флаги. Днём 12 апреля такие же флаги появились на административных зданиях в Славянске, Красном Лимане, Краматорске. В течение ночи были захвачены и перешли под российский флаг административные здания в Енакиеве и Горловке, а к утру и в Мариуполе. Между тем, даже каждому подростку, не говоря уже о взрослых людях, известно (или должно быть известно), что такая смена флага символизирует переход под юрисдикцию другого государства и никак не может быть предметом лёгкого отношения, что и продемонстрировала сама Россия в середине июня, чрезвычайно жёстко поступившая с тремя молодыми людьми, — заметим, безоружными и не в балаклавах — сделавшими попытку установить флаг Германии в Калининграде. Притом не на каком-либо из административных зданий, но всего лишь в так называемом “стакане” на крыше гаража, соседствующего со зданием УФСБ Калининградской области. Но и это не было принято во внимание как, по крайней мере, смягчающее обстоятельство; но, видимо, то, что считается недопустимым в самой России, допускается и даже восторженно приветствуется на Украине.

Вот, например, как откликнулся в соцсети на события “Русской весны” вице-премьер Крыма Рустам Темиргалиев: “Друзья, началось освобождение Юго-Восточной Украины! Надеюсь, что очень скоро Луганская, Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, Херсонская и Одесская области образуют 20-миллионную Украинскую Федерацию, которая войдёт в союзное государство Белоруссии и России” (“Независимая газета”, 14 апреля 2014 года). Как видим, так понимаемой федерализации должна была предшествовать сецессия, т. е. отделение *всей* исторической Новороссии, края гораздо более обширного, нежели общая территория Донецкой и Луганской областей, 24 мая

объявивших о создании единого государства под этим именем. Выбранным, конечно, не случайно, а в полном соответствии с главным замыслом всего проекта “Новороссия”, неосуществимого без предварительного расчленения и, соответственно, ликвидации ныне существующей Украины. Об этом со всей определённой в середине мая высказался П. Губарев, заявивший, что создание ДНР “является первым шагом для дальнейшего освобождения и объединения юго-восточных русских земель в новое независимое государственное образование” (ru.tvi.ua/nov./2014/05/13).

Но ещё до него с не меньшей прямотой представил свой взгляд на вопрос С. Аксёнов, продолжавший держать руку на пульсе событий: “Одно только ясно из всего происходящего – так, как было, не будет. Не будет. Народ, имеющий разный менталитет, разные взгляды на жизнь своего государства, в будущем больше не объединится в единую страну “Украина”. Юго-Восток будет частью России” (28/04/2014). Заметим, сказано это было после присоединения Крыма, когда Аксёнов, как и Темиргалиев, уже являлись российскими чиновниками достаточно высокого ранга для того, чтобы в сознании жителей Донбасса укреплялась уверенность в тождественности их так открыто демонстрируемого взгляда на события подлинной позиции официальной России, лишь из тактических соображений отказывающейся признать, что речь на донецких землях идёт именно об отложении их от Украины. И на каждое откровенное заявление адептов проекта “Новороссия”, конечно же, не случайно, а в целях мимикрии почти синхронно отзывавшейся заявлениями наподобие того, что тогда же, в конце апреля, было сделано замглавы МИД РФ Сергеем Рябковым. “Я не считаю, – подчеркнул он в кричащем противоречии с собственными заявлениями лидеров Донбасса, – что люди, протестующие в Славянске и Донецке, – это сепаратисты, начнём с этого” (www.tvc.ru/news/show/id/38503. 29.04.2014).

Правда, Александр Ходаковский, ранее – офицер украинской группы “Альфа”, а затем – министр безопасности ДНР в своём интервью телеканалу “Дождь” (12 мая 2014 года), удивляясь не столько самой начатой Киевом операции, сколько её названию (АТО), нарисовал картину прямо противоположную: “Все хотят отделиться. Сепаратизм налицо, но терроризм?..” Чуть позже примерно то же, но с немаловажным уточнением он повторил в программе “Неделя с Марианной Максимовской”: “Донецк и Луганск однозначно заявили, что они будут с Россией. Они за Россию, не за ДНР” (РЕН TV, 1 июня 2014 года). С ещё большей определённой высказался не самый неосведомлённый человек, Игорь Стрелков, подчеркнувший неординарную связь ДНР и ЛНР с Крымом, что существенно дополняет картину. Как рассказал он в своём интервью “Комсомольской правде”, именно на территории Крыма сформировался его отряд, а после (значит, начал формироваться до? – К. М.) присоединения полуострова к России передислоцировался в Славянск. Это были не малоопытные юнцы, но люди, уже имевшие боевой опыт, кое-кто их которых, по словам Стрелкова, даже успел повоевать в Сирии. Такая предыстория отряда, на три месяца закрепившегося в Славянске, проливает немалый свет на вопрос о первоначальных масштабах и целях проекта “Новороссия”, что и подтверждается дальнейшим рассказом Стрелкова-Гиркина. “Ополченцы из местного населения, – поведал он, – конечно, хотят, чтобы Донецкая республика больше не зависела от воли киевской хунты и от хунт, которые придут ей на смену. Процентом 80 населения желает присоединения к России. Мотивации тех, кто пришёл со мной и кто к нам присоединился, более широкие. Они говорят: мы не хотим останавливаться на достигнутом, мы хотим идти дальше и освободить Украину от фашистов” (Цит. по: “Независимая газета”, 9 июня 2014 года).

Оставим пока в стороне фантастические и не подтверждаемые никакими другими источниками 80% желающих присоединиться к России жителей Донбасса и вконец истрёпанные российской пропагандой жупелы “хунты” и “фашизма”. Гораздо важнее другое. Хотел ли этого Стрелков или нет, но он открыто обозначил роль “крымского отряда” как локомотива, увлекающего массы вовлечённых в протестное движение людей гораздо дальше, нежели они, скорее всего, первоначально собирались зайти. И, стало быть, уводящего их на территорию, где действительно не остаётся места для содержательных переговоров с Киевом, которому, в сущности, предлагается только безоговорочная капитуляция. Что и подтвердил ещё раз Стрелков, заявив: “Я считаю, что Россия должна помочь ВСЕЙ Украине избавиться от наркотического сна, пока она не перешла в состояние “зомби”. Сама Украина – под “дурью” – на это

не способна” (www.mk.ru/politics/2014/06/08). Неизменность такой конечной цели была подтверждена надписями “На Киев!”, “На Львов!” на выходящей из Славянска бронетехнике ополченцев. А на следующий день, 6 июля, на митинге в Донецке то же прозвучало в обращении помощника главнокомандующего Игоря Друзя: “Мы оставили Славянск, чтобы вернуться в Киев... Я абсолютно убеждён в нашей победе, в том, что мы освободим Киев” (www.youtube.com).

Говоря словами классика, “тут уж не Николка”. Тут не о федерализации речь — о войне не на жизнь, а на смерть. И если сотни тысяч людей, несомненно, имевших, особенно после 21 февраля, веские основания для протеста, но вряд ли желавших войны, так легко втянулись в неё, то, в немалой мере, потому, что перед глазами у них был пример Крыма, где всё решилось так быстро, просто и, главное, бескровно. Значения крымского прецедента не отрицает лидер ЛНР Валерий Болотов: “Нам хотелось по примеру Крыма получить поддержку, потом пришло осознание того, что нужно действовать самостоятельно” (“Дождь”, 10 мая 2014 года). Примерно то же, хотя и выраженное проще и грубее, можно услышать от беженцев: “Выходили же, кричали: “Рос-с-ия!” Думали, что получится, как с Крымом. А теперь плачут...” (“Новая газета”, 23.06.2014 года). Не будь этого “крымского соблазна”, этой надежды, укрепляемой пением крымских чиновных сирен, возможно, в республиках более серьёзно отнеслись бы к подготовке и проведению референдума по вопросу об их независимости. А также более тщательно изучили драматичную историю четырёх самопровозглашённых государств, в 1990–1991 годах заявивших о себе на территориях бывших союзных республик. Однако складывается впечатление, что за все минувшие с тех пор годы этой историей, как и вообще судьбой постсоветских непризнанных республик, в Донбассе никто не интересовался. В противном случае Д. Пушилин не заявил бы, имея в виду экстраординарность предстоящего 11 мая события: “Это чуть ли не первый в истории народный референдум” (“Дождь”. 8 мая 2014 года). Подразумевалось, видимо, что будет создан некий образец, эталон проведения такого рода мероприятий и что донбасский прецедент, в силу его исключительности, займёт достойное место в истории.

Что ж, событие, по ряду параметров, и впрямь оказалось исключительным. Настолько исключительным, что одним из его следствий стала небывалая доселе дискредитация самого института референдума. На сегодня являющегося едва ли не единственным, пусть и несовершенным, инструментом, дающим возможность правового урегулирования конфликтов, которые всё чаще возникают в мире там, где одна из сторон заявляет о своём праве на самоопределение, а другая — о праве на защиту территориальной целостности.

* * *

Противоречие между этими двумя равноправными принципами было заложено в Хельсинкском акте 1975 года, но в эпоху относительно спокойную какое-то время не слишком давало о себе знать и потому не привлекало особого внимания. Не то теперь, когда иные из государств, подписавших этот Акт, вообще прекратили существование, а в мире, с распадом СССР утратившем былую стабильность, появляются всё новые претенденты на собственную государственность. Равно как множится и число государств, стремящихся сохранить свою территориальную целостность. И те, и другие апеллируют при этом к “Хельсинки”, что открывает широкий простор для произвола и принятия ситуативных решений, что, в свой черёд, ведёт к нарушению фундаментального принципа демократии: равенства всех перед законом. В течение последних двух десятилетий он многократно нарушался странами Запада, в том числе и США, неуклонно позиционирующими себя как оплот этой самой демократии, что позволяло российской дипломатии не без оснований говорить о применении ими практики двойных стандартов. Правда, речи эти звучали бы гораздо более убедительно, если бы сама РФ последовательно демонстрировала неприятие такой практики, но, к сожалению, в действительности это было далеко не так.

В самом деле, все четыре постсоветские самопровозглашённые республики вплоть до 2008 года оставались непризнанными Москвой, за это время признавшей немало других новых государств: от Эритреи и Восточного Тимора до тех, что возникли вследствие распада Югославии (за исключением Ко-

сово). Все четыре прошли через кровопролитные локальные войны, узнали, что значит хоронить своих погибших близких во дворах и на огородах, пережили испытания экономической блокадой, но в тяжелейших условиях сумели удержать контроль над собственными территориями, создать и укрепить работающие институты власти и, с большим или меньшим успехом, решать наиболее важные социальные проблемы. Иными словами, могли с полным правом претендовать на статус состоявшихся государств со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако Россией вопрос именно в этой, правовой, плоскости никогда не ставился. Что же до признания ею в 2008 году Абхазии и Южной Осетии, то ситуативная обусловленность его очевидна. И это подчёркивается как фактом превентивного признания Абхазии (которая, в отличие от Южной Осетии, в 2008 году не подвергалась агрессии со стороны Грузии), так и, в ещё большей мере, фактом непризнания двух других: НКР (Нагорно-Карабах) и ПМР (Приднестровья). Тем самым была произведена противоправная селекция среди обладающих равными правами народов, и хотя нельзя было не порадоваться за абхазов и осетин, гораздо меньше радости могла вызывать мысль о совсем не отдалённых последствиях такого произвола, в область которого ещё резче сместился один из сложнейших вопросов современной международной жизни.

Такой способ действий со стороны России в 2008 году тем более удивителен, что для признания Абхазии и Южной Осетии, равно как Приднестровья и Карабаха изначально не существовало никаких серьёзных препятствий. Все эти республики заявили о своём самоопределении в полном соответствии с действовавшей на тот момент Конституцией СССР, равно как и не нарушали признанных на международном уровне границ, каковыми, естественно, являлись только границы Советского Союза. Тем не менее, Москва предпочла действовать ситуативно и точно так же поступила шесть лет спустя, когда обострилась тоже давно лежавшая в долгом ящике проблема Крыма. Объясняя принятое решение, сам президент Путин говорил о чём угодно – о защите русского населения, об угрозе вхождения НАТО в Севастополь, – но меньше всего обращался к правовым аргументам. Даже подчёркнув в одном из своих выступлений, что “мы”, то есть Россия, вообще-то не собирались присоединять Крым, но вот изменившаяся ситуация... Так стоит ли удивляться, что, вдохновляемые примером решения крымского вопроса и тоже имея немало оснований ссылаться на изменившуюся ситуацию, лидеры Донбасса, не говоря уж о населении, сочли совершенно излишним “разводить канитель”. То есть заботиться о соблюдении каких-либо процедур, считающихся необходимыми при решении столь важных вопросов. И в самом деле, зачем заботиться, если тщательно, даже щепетильно следившие за строгостью и чистотой проведения всех состоявшихся на их территориях референдумов НКР и ПМР до сих пор пребывают в своём неопределённом статусе. И если, как показала практика, “великие”, от которых зависит окончательный ответ, всё равно будут руководствоваться какими-то другими, никак не относящимися к области права, соображениями.

Видимо, так или примерно так могли рассуждать те, кто при подготовке референдума 11 мая 2014 года о независимости ДНР и ЛНР даже не дали себе труда проработать вопрос о правовых основаниях своих требований, тогда как прорабатывать было что. Напомню, что на референдуме 1 декабря 1991 года по вопросу о независимости Украины – референдуме, сыгравшем немалую роль в окончательном крушении СССР, – все, подчёркиваю, все юго-восточные области Украины, в том числе Крым и даже Севастополь сказали этой независимости “да”. Что же до Донецкой и Луганской областей, то здесь такое “да” сказали, соответственно, 83,90% и 83,58%, а это всего лишь на пять – шесть процентов меньше результата, полученного в западных областях Украины. Можно ли отсюда заключить, что сделанный ими выбор теперь уже на столетия вперёд исключал возможность его пересмотра? Не думаю – вот ведь предъявляют же сейчас своё право на самоопределение Шотландия и Каталония, когда-то тоже на основании определённых договорённостей вошедшие в состав Соединённого Королевства и Испании. Однако совершенно очевидно, что этот выбор создал новую международно-правовую ситуацию, резко отличающуюся от той, в которой самоопределялись четыре постсоветских непризнанных республики. Взрослые люди, тем более политики, казалось бы, должны были понимать это. В действительности же произошло нечто иное, что можно было бы назвать фарсом и над чем можно было бы даже посмеяться, когда бы этот фарс не возымел самых трагических последствий.

Всё, случившееся 11 мая, всё, — начиная от невнятных и совершенно неподдающихся проверке списков для голосования (происходившего порою просто на улице), от лишённых элементарной защиты, отпечатанных на ксероксе бюллетеней и до самого способа их подсчёта, не говоря уже о том, что во многие населённые пункты они вообще не были доставлены, — отмечено какой-то вызывающей, едва ли не подростковой безответственностью. И, конечно, прав президент А. Лукашенко, в своём интервью телеканалу “Дождь” прямо заявивший, что такой референдум не имеет и не может иметь юридической силы. Тем более удивительной была позиция Москвы, даже не пославшей в Донбасс наблюдателей, но на следующий же день устами министра иностранных дел РФ С. Лаврова призвавшей международное сообщество “с уважением отнестись к волеизъявлению” граждан ДНР и ЛНР, а главное — способствовать практической реализации его итогов.

Странное заявление. Ведь в свете того единственного вопроса, который был вынесен на этот условный референдум, такая реализация могла означать только начало подготовки к процессу признания — и это при отсутствии достоверных данных, подтверждающих именно такой выбор населения Донбасса. Более того, в тот же день, 11 мая, в западных районах Донбасса состоялся параллельный референдум — по вопросу об их переходе под юрисдикцию Днепрпетровской области в случае реального отделения ДНР и ЛНР от Украины. По данным украинских источников, количество людей, принявших участие в голосовании, превысило 2,5 миллиона и большинство из них сказало такому переходу “да”. Можно, конечно, поставить под сомнение и эти данные, но я не думаю, что они существенно искажают реальное соотношение пророссийской и проукраинской ориентаций населения этого региона, что подтверждается и другими источниками.

Так, по данным опроса, по заказу CNN с 7 по 11 мая проведённого в Харьковской, Луганской и Донецкой областях британским социологическим агентством Com Res, 49% опрошенных высказались за целостную Украину, против 37% выступающих за независимость (top.rbc.ru/politics/14.05.2014). Картину, существенно отличающуюся от той, что на протяжении нескольких месяцев рисуют федеральные каналы, подтверждают, как это ни странно, сетования самих лидеров движения за независимость на пассивность местного населения, не слишком торопящегося записываться в ополчение. Эту пассивность обличал бывший “народный мэр” Славянска Вячеслав Пономарёв, ставя в пример местным “любителям отсиживаться на диване” добровольцев, едущих в Донбасс “со всего Союза”. О ней же, буквально через несколько дней после оставления Славянска, напомнил Стрелков: “За 3 месяца для шахтёрского края, где много людей, привыкших к опасной работе, добровольцев очень мало” (imperiya.by/news.html?id=138263 8 июля 2014). Поневоле задумаешься, не поэтому ли потребовались добровольцы из ингушей (их присутствие здесь признал сам Бек-Евкурор) и чеченцев, настоящий панегирик которым, “как людям, всегда готовым постоять за землю русскую”, произнёс премьер-министр ДНР А. Бородай в своём интервью Би-Би-Си (www.bb/couk/russian/multimedia/2014/5/06)? По правде говоря, подобное утверждение имеет мало общего с подлинной и очень неоднозначной историей русско-чеченских отношений, что не бросает тени ни на русских, ни на чеченцев, но заставляет задаться вопросом о подлинных причинах, побудивших кавказцев приехать на Украину, — ведь не для того же, в самом деле, чтобы убедительно поддержать проект её федерализации, на которой, как на главном и единственном требовании повстанцев упорно продолжает настаивать Россия.

Но игра с подменой понятий слишком затянута, она оплачивается всё большей кровью, что ставит под сомнение искренность стремления запустить процесс подлинного урегулирования, а не организовывать новый раунд бесплодных переговоров. Невозможно вести переговоры там, где не определён с достаточной ясностью сам их предмет. Или, вернее, с предельной ясностью определён самими ополченцами: как минимум, признание независимости ДНР и ЛНР. С последующим присоединением к России или нет — покажет время, уточнил А. Бородай в интервью Би-Би-Си, но о том, чтобы остаться в составе Украины, не может быть и речи. Стало быть, давно пора и Москве называть вещи своими именами. Сепаратисты? Да, сепаратисты, и это не кличка, не оскорбление, но просто честная констатация факта, что не гарантирует лёгких решений, но, по крайней мере, позволяет вытащить проблему переговоров из трясины неопределённости. Недвусмысленный ответ требует-

ся и на обращённые к России просьбы сепаратистов о признании их не самым безупречным образом, с точки зрения права, созданных республик. Этого требует хотя бы элементарное уважение к собственным гражданам, которые не должны случайно, блуждая в Сети или листая газету, вдруг узнавать, что вот, оказывается, партия “Справедливая Россия” уже признала ДНР и ЛНР, хотя Кремль вроде бы пока не признал, и терять всякое представление о том, что же всё это означает, как соотносится с утверждением президента Путина о том, что “мы не стремимся к разделу Украины”, и к чему следует готовиться лично каждому из нас: к благоприятному исходу переговоров о “федерализации” либо всё-таки к войне с “киевской хунтой”.

Между тем, как показали последние опросы общественного мнения, проведённые “Левада-центром”, сегодня поддержать признание ДНР и ЛНР, не говоря уже о вводе войск на территорию Украины, готова всего лишь треть населения нашей страны, а это существенно меньше, чем было месяц назад.

С нравственной точки зрения такая перемена настроений как раз в тот момент, когда вроде бы настало время доказать, что мы и впрямь “своих не бросаем”, может представляться неприглядной и даже отталкивающей, но она объяснима. Сказывается психологическая усталость и от чрезмерного пропагандистского натиска, и от самой ситуации неопределённости, потому что нельзя бесконечно находиться в боевой готовности номер один, не переходя к действию на сегодняшний день, так и не поняв, в чём же это действие должно заключаться. На официальном уровне вопрос об использовании российских вооружённых сил на территории Украины снят. Но снят ли сам проект “Новороссии”, то есть если и не отторжения юго-восточных областей от Украины, как, есть основания думать, предполагалось вначале, то создания здесь ослабляющего и напрягающего Украину очага перманентной нестабильности? По образному выражению одного из политологов, зоны “вечной весны”? Судя по некоторым признакам, отнюдь не снят, просто изменилась тактика, цель же осталась неизменной: если уж не раздел Украины, перспектива которого столь многих вдохновила в России, то максимальное её ослабление.

* * *

Время покажет, насколько успешной окажется эта новая тактика, но уже сегодня можно сказать, что, поскольку неизменной осталась цель, Россия продолжает исходить из глубоко ошибочного представления о слабой сопротивляемости Украины. Между тем, попытка быстрого натиска не в последнюю очередь не удалась потому, что ошибочным было само отождествление экономической и политической слабости страны, переживающей острейший кризис, с всевышними качествами её народа. Но украинцы не слабый народ, что показала вся его история, которую так охотно растаскивают на анекдоты в блогах и которую, видимо, крепко подзабыли в кругах, где принимаются соответствующие решения. К тому же самая острая фаза кризиса Украиной уже пройдена, и выстраивать свою политику по отношению к ней, основываясь на той же презумпции, — значит предаваться опасным иллюзиям. Опасным, прежде всего, для самой России, которая и без того уже гораздо больше потеряла, нежели приобрела вследствие затеянной ею игры. В том числе — и, на мой взгляд, это гораздо важнее санкций — понесла немалые имиджевые потери. Почти утрачено уважение, которая она приобрела всего год назад, когда, умело отведя от Сирии нависшую над ней угрозу авиаударов, выступила в роли миротворца. В Донбассе же итогом странной двойной игры стало то, что здесь уже открыто зазвучали голоса о предательстве Москвы, а это означает умаление её влияния на этих, ещё недавно столь пророссийски настроенных территориях. По причинам той же невнятности дала трещину так называемая посткрымская национальная консолидация, в некоторых кругах считавшаяся едва ли не главным достижением этой короткой, но бурной эпохи. После подписания Молдовой соглашения об ассоциации с ЕС окончательно сдано Приднестровье, что еще резче обозначило склонность самой РФ к использованию двойных стандартов. Соответственно, углубилась эрозия международного права, что в будущем грозит немалыми осложнениями как на постсоветском пространстве, так и в мире. Но главное — пролилось слишком много крови для того, чтобы мы имели право потребовать ответа на вопрос, ради чего же она пролилась. И, слегка префразируя слова одного известного американского политика, назвать минувшие четыре месяца не той страницей нашей отечественной истории, которой можно гордиться.